

Николай Буссе

Остров Сахалин и экспедиция 1852 года

Николай Буссе

**Остров Сахалин
и экспедиция 1852 года**

«Public Domain»

1852

Буссе Н. В.

Остров Сахалин и экспедиция 1852 года / Н. В. Буссе — «Public Domain», 1852

«Вопрос о рациональном устройстве у нас каторжных работ обратил, в последнее время, особенное внимание на остров Сахалин, который по отдаленности своего положения, среди негостеприимных Охотского и Японского морей, представляет все условия места, назначаемого для отдаленной ссылки, а с другой стороны – его естественные богатства, в особенности обильные залежи каменного угля, дают все средства для организации там производительных работ...»

Содержание

I	6
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Николай Буссе

Остров Сахалин и экспедиция 1852 года

Вопрос о рациональном устройстве у нас каторжных работ обратил, в последнее время, особенное внимание на остров Сахалин, который по отдаленности своего положения, среди негостеприимных Охотского и Японского морей, представляет все условия места, назначаемого для отдаленной ссылки, а с другой стороны – его естественные богатства, в особенности обильные залежи каменного угля, дают все средства для организации там производительных работ. Вот почему все сведения об этом острове, отдаленном и малоизвестном читающей публике, могут возбудить интерес. Эти соображения побудили наследников покойного генерал-майора Н. В. Буссе издать заметки его, относящиеся ко времени присоединения о-ва Сахалина к империи, в 1852 году. Записки эти велись Николаем Васильевичем в форме дневника, во время экспедиции на острове под его ближайшим начальством, поэтому заметки эти представляют интерес как для истории первых наших правильных сношений с японцами, так и для описания острова, и наконец, обрисовывают те трудности, с которыми приходилось бороться в отдаленном пустынном крае, при занятии его русскими.

Н. В. Буссе получил образование в Пажеском корпусе, и поступил на службу в Семеновский полк. Ограниченность круга деятельности строевой службы не могла удовлетворить энергичного характера и побудила автора заметок искать для себя более обширного поприща, более соответствовавшей его предприимчивости и жажде серьезной деятельности. Случай не замедлил представиться. Во время пребывания своего в С.-Петербурге, бывший тогда генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Муравьев-Амурский, обратил внимание на Николая Васильевича и, приняв его на службу в Сибирь чиновником особых поручений, немедленно отправил, весной 1852 года, в порт Аян для снаряжения экспедиции с целью занятия острова Сахалина, в связи с присоединением к империи Амурского края, которое было высочайше повелено в том же году. Из записок читатели увидят, каким образом, не только снаряжение, но и самое начальство над отрядом, занявшим южную часть острова, выпало на долю покойного и побудило его прозимовать на острове, основать там военный пост и вновь снять его, вследствие политических событий 1853-го года. По возвращении в Иркутск, Николай Васильевич принимал деятельное участие в экспедициях для присоединения Амурского края, затем несколько лет управлял штабом войск Восточной Сибири, в котором сосредоточивались тогда все дела по Амурскому краю и наконец, с 1858 по 1866 год, в качестве военного губернатора управлял Амурскою областью. В 1866 году, последовала преждевременная смерть этого энергичного деятеля, в котором даже люди лично им недовольные не могут отрицать способного, исполненного доброй воли администратора, оставившего после себя памятные следы в правильной организации области, в материальном довольстве русских переселенцев и установлении торговых сношений с соседнею Манжурию.

Все сведения, изложенные в дневнике, были писаны автором единственно для себя, а потому не имеют и тени официального характера: в точности и верности их сомневаться нельзя; автор везде говорит откровенно, описывает, как видит, и заботится только об одном, – получить точное и верное понятие о главном предмете своей экспедиции, не принимая в соображение никаких посторонних интересов или идей, что именно так редко встречается в официальных отчетах.

Е. Б.

I

25-го августа 1852-го года. – Корабль «Николай» бросил якорь на рейде Петровского зимовья. Привезя на нем десант, числом в 70-ть чел., для занятия острова Сахалина, я тем оканчивал возложенное на меня губернатором поручение по сахалинской экспедиции. В силу данной мне инструкции, мне следовало собственно возвратиться в Аян, чтобы ехать на р. Мого осматривать новые поселения, а оттуда в Якутск, где мне поручено было осмотреть казачий полк, и потом с первым зимним путем явиться в Иркутск для личного доклада губернатору обо всем виденном мною. Но весь этот порядок действий был изменен, и вместо возвращения в Иркутск, я принял участие в занятии Сахалина, в качестве будущего временного правителя острова. Вот как это случилось.

Как я сказал, в 12-м часу утра, мы подошли на «Николае» на вид Петровского зимовья. Погода была облачная, дул довольно тихий ветер. Отдав якорь на семи сажнях глубины, мы стали поджидать гребные суда из зимовья. На наш салют отвечали из селения, которое находилось в милях трех от нас. Характер природы Петровского рейда суровый и не живописный. В морском отношении рейд этот считается не безопасным, потому что открыт всем ветрам, кроме южного. Разгрузка судов производится медленно, потому что сильное течение и бурун затрудняют ход гребных судов. Часто сообщение с берегом прекращается; с моря селение худо видно; оно расположено по другую сторону кошки, ограничивающей с севера гавань Счастья. Вход в эту гавань между мысом кошки и банками рифа, идущего от острова Сахалина, почти всегда покрыт бурунами.

Когда мы бросили якорь, было весьма небольшое волнение, но мы все-таки не надеялись, чтобы гребные суда выгребли к нам против течения. Речной пароход, присланный в Петровск вокруг света, много давал мне надежды на скорую разгрузку судна, если хоть немного уляжется волна. Во втором часу мы сели обедать, но узнав, что с берега идет трехлючная байдарка, взошли на палубу. Скоро подъехал к судну кап. – лейт. Бачманов. От него я узнал, что пароход испорчен – в нем лопнули 12-ть огнепроводных труб. Это известие очень опечалило меня. Пароход этот, несмотря на то, что он слишком мал для плавания в Амурском лимане, мог бы много пользы принести в самом Петровском и наверно произвел бы большое влияние на жителей приамурского края. Бачманов мне передал, что г. Невельской, управляющий амурскою экспедициею, желает меня тотчас же видеть. Мне самому уже не хотелось оставаться еще на судне, и только уверение капитана, что шлюпка не выгребет к берегу, останавливало меня. Теперь, когда в моем распоряжении находилась байдарка, я тотчас же и поехал на берег.

Я так много слышал прежде и хорошего и худого о г. Невельском, что меня очень интересовало познакомиться с этим человеком. По-моему мнению, если про человека говорят много, одни хорошо, другие дурно, то это показывает, что дело идет о деятельном и энергическом характере. Сев в первый раз в жизни в байдарку, я ожидал, что мне будет страшно ехать в этой вертлявой кожаной лодочке. Но проехав несколько саженьей, я уже убедился, что действительно байдарка принадлежит к самым безопасным гребным судам. Быстрота хода её удивительная. Волнение было довольно велико, когда я ехал. Сидя на дне байдарки, я чувствовал, как она сгибалась подо мной, когда волна, подымая ее на свой гребень, оставляла нос и корму в воздухе. Завернув за оконечность кошки, я въехал в гавань Счастья. Она ограничивается, как я сказал, с севера кошкою, т.-е. песчаною косою в версту ширины; против неё, к югу, лежат низменные острова, а за ними матерой гористый берег, так что гавань эта имеет совершенный вид озера и была бы очень хороша для малых судов, если бы вход в нее не был заносим бурунами. Петровское зимовье расположено на кошке в верстах трех от её оконечности. Несколько деревянных домов, окруженных мелким кустарником, вяло-растущим на каменистой почве, по сторонам несколько разбросанных юрт гиляков – вот вид этого печального селе-

ния. Подъезжая к селению, я увидел на берегу недалеко от него несколько гиляков, одетых в собачьи шкуры мехом вверх. Когда я вышел на берег против дома нижних чинов петровской команды, я увидел подходящего ко мне маленького роста худощавого господина, в старом сюртуке со штаб-офицерскими эполетами. Он вел под руку молодую женщину. Приблизясь ко мне, она оставила его, повернув к крыльцу ближнего дома; после я узнал, что это была жена штурманского офицера Орлова. Маленькой, худощавый штаб-офицер и был тот самый г. Невельской, начальник морской экспедиции и мой новый сослуживец, как состоящий для особых поручений при губернаторе Муравьеве, и которого мне так хотелось видеть. Представившись ему, я был приглашен войти к нему в дом. Дом этот одноэтажный деревянный, как и все строения селения, очень не велик. Когда мы подошли к крыльцу, к нам вышла на встречу г-жа Невельская, молоденькая, хорошенькая и приветливая женщина. Мы прошли через кухню в маленькую комнатку, в которой накрыто было два прибора. Усевшись у стола, я, наконец, мог порядочно рассмотреть человека, с которым обстоятельства познакомили меня очень коротко вскоре после первого свидания. Г. Невельской имеет не совсем красивую наружность, маленький рост, худощавое, морщинистое лицо, покрытое рябинками, большая лысина с всклокоченными вокруг с проседью волосами и небольшие серые глаза, которые он беспрестанно прищуривает, дают ему пожилой и дряхлый вид. Но широкий лоб и живость глаз выказывают в нем энергию и горячность характера. расспросив меня о припасах, привезенных из Камчатки с десантом и оставшихся совершенно довольным количеством их, он горячо выразил свою досаду, что товары, назначенные для сахалинской экспедиции, оставлены были в Аяне компанейскою конторою для расценки. По его мнению, нельзя было начинать экспедицию без товаров, и потому он решил ожидать их присылки из Аяна, рассчитывая, что какое-нибудь судно – «Иртыш» или «Константин», привезет их. Решившись на это, он приказал оставить на «Николае» десант с грузом, с тем, что когда привезут товары, то наложить их на «Николая» и на нем идти на Сахалин¹. Вскоре приехали с судна Бачманов, командир судна Клинокфстрем, М. Бачманов и жена священника Веняминова. Все они были приняты очень радушно. Бедный капитан «Николая» Клинокфстрем с горестью выслушал неприятное для него назначение участвовать в экспедиции. Он рассчитывал идти на зимовку в Ситху, с тем, чтобы оттуда уехать к своему семейству в Либаву – свою родину, желая оставить совершенно службу в компании.

Время до чаю прошло в горячих рассказах Невельского про действия амурской экспедиции. В самом деле, действия эти замечательны по деятельности, трудности и смелости. Я был поражен, что Невельской мог решиться, не имея ни полномочия, ни средств (весь отряд его состоит из 70 чел.) предпринимать подобные дела. Он занял, ни более ни менее, как пространство земли протяжением на юг от 53 до 48° гр. с. ш., т.-е. 500 верст земли, считавшейся принадлежностью Китая. Открытие Л. Бошняком прекрасной гавани в Татарском проливе на азиатском берегу, между 48 и 49 градусами, по-видимому было причиною горячности, с которою Невельской стал занимать все пространство к северу от неё, долженствующее принадлежать России, для того, чтобы владеть гаванью. Занятие это состоит в том, что разбросали в нескольких пунктах по 5 и 10 человек с запасом продовольствия и товаров, и выкинули флаги на этих пунктах. По словам Невельского, самый трактат, заключенный между Россией и Китаем, оправдывает это занятие. Он говорит, что в трактате определены границы с Китаем следующим образом: от соединения р. Шилки и Аргуни по горному хребту вплоть до Охотского моря, так что все реки, текущие с юга на север, должны принадлежать России, и все реки,

¹ Тут же Невельской объявил мне, что он поручает мне управление сахалинскою экспедициею, и что, поэтому, я останусь зимовать на Сахалине. На объяснение мое, что по предписанию губернатора я должен возвратиться в Иркутск, он объявил мне, что он не может никому более поручить этого дела и что если не назначат меня, то не может отвечать за успех исполнения высочайшей воли, о чем и рапортует губернатору. Я, конечно, должен был подчиниться такому объявлению и с охотою принял на себя управление экспедициею.

текущие с севера на юг – Китаю. Г. Невельской говорит, что, по собранным им сведениям через посылаемых на съемку офицеров, ему достоверно известно, что этот горный хребет от соединения Шилки и Аргуни разделяется на три ветви: одна идет по направлению течения р. Лены, другая к северной части берегов Охотского моря, и третья, на юг, переваливает через Амур и тянется поперек Манжурии. Поэтому граница, положенная на картах от верховьев Амура в перпендикулярном направлении к Охотскому морю не верна, ибо по этому направлению нет никакого хребта. По смыслу трактата следовало бы России или отдать Китаю большую половину Якутской области, или все прибрежье Охотского моря с портом Аянном; или, наконец, взять себе большую часть Манжурии. Значительная часть рек, впадающих с левой стороны в Амур, имеют течение к с.-в., след. и реки тоже обозначают другое направление нашей границе и, как предполагает г. Невельской, она должна идти по Амуру до впадения в него с юга р. Усури, оттуда по реке Усури, по правому её берегу до перевала на р. Самальгу и далее по левому берегу Самальги, до её впадения в Татарский пролив около 47° гр. с. ш. Этою границею мы отмежевуем себе все пространство земли к с. от Амура и Татарский берег до 47° градус. с. ш. Дай Бог, чтобы предположения эти исполнились, мы приобрели бы себе прекрасную землю и отличную гавань, открытую для навигации в продолжении 8-ми месяцев и тем упрочили бы наше влияние на Китай и Японию, да и вообще в Тихом океане. Гавань «Императора Николая» могла бы быть станцією эскадре балтийского флота и тем много бы послужила к улучшению его. Вся окрестность её и берега Амура изобилуют корабельным лесом. Однако оставим эти предположения и обратимся к рассказу.

В девятом часу подали чай. Я очень был рад выпить стакан горячего чаю. Во время переезда моего на байдарке, волны несколько раз заплескивали во внутрь её и порядком вымочили меня; не имея во что переодеться, я остался целый день в мокром платье. Во время чаю разговор шел так же горячо, как и в начале приезда моего, потому что держался постоянно на политических проектах и обсуждении действий Российско-Американской компании, тем самых возбудительных для горячих споров в здешнем крае. Ненависть Невельского ко всему, что касается компании, ни с чем не может быть сравнена. Достаточно произнести слово «Компания», чтобы выслушать набор самых сильных проклятий, а иногда и ругательств. По-видимому, в самом деле, действия компании в принадлежащих ей колониях и в при-амурской стране бывают часто слишком корыстолюбивы, с расчетом дневного барыша без видов на будущее. Она действует, как арендатор. Впрочем, не имея еще случая хорошо разобрать и обсудить действий и положения компании, я оставляю этот предмет до большего и подробнейшего знакомства моего с нею. Перед ужином общество разделилось на две части. Дамы – т-те Невельская, Бачманова и жена священника прогуливались по комнате, болтая между собою. При этом мне было очень досадно слушать, как Невельская и Бачманова разговаривали по-французски, не обращая внимания на то, что добрая и молоденькая жена священника, ничего не понимая, ходила подле них. Общество мужчин состояло из Невельского, Клинокфстрема, Бачманова, Рудановского и меня. Священник остался на судне, потому что сообщение с берегом по случаю свежего ветра прекратилось, а на катере, посланном утром за пассажирами, он не поехал, с целью приготовить к выгрузке свои вещи. Проговорив до 12-ти ч. ночи, мы разошлись спать. Бачмановы получили для себя отдельную комнату, жена священника – в комнате Невельской; Невельской, Клинокфстрем и я, расположились вместе в приемной зале.

26-го августа. – Утром 26-го, когда все поднялись уже, я пошел осматривать селение. Погода стояла пасмурная и ветреная. Подойдя к берегу рейда, я был поражен силою прибоя. Волна с шумом и пеною накатывалась на кошку. Подъехать к берегу на шлюпке решительно невозможно, ее разобьет в одно мгновение. Петровское зимовье состоит из 6-ти или 7-ми деревянных строений, служащих жилищем 40 или 50 обитателей его. В числе их находится начальник экспедиции, 4 или 5 обер-офицеров камчатской флотилии, доктор и прикащик компании. Товары компании хранятся в небольшом деревянном пакгаузе. По условию с правительством,

компания обязалась доставлять в экспедицию товары, необходимые для заведения сношений с гиляками и манжурами. Неисполнение требований г. Невельского в этом отношении и неисправность во времени доставки товаров, есть главная причина его ожесточенной войны против главного правления её. К этому еще присоединилось несчастное разбитие в Петровском компанейского брига «Шелихова», посланного туда по требованию Невельского. Так как в условии сказано, что все потери компании по действиям её в Амурской экспедиции правительство принимает на себя, на что и ассигновано из сибирских сумм 150 т. р., то компания, не получив еще донесения от Невельского о причине гибели её судна и о количестве погибших товаров, взяла от правительства 36 т. р. с. Так как Невельской был главным распорядителем плавания «Шелихова», то, разумеется, гибель брига и потеря казны очень трогают его самолюбие.

В продолжении дня, незанятый ничем, я прогуливался по селению, прерывая по временам это скучное занятие разговором с хозяйкой дома или выслушиваньем горячих рассуждений Невельского. Вечером, когда уже все легли спать, я уселся с ним рассчитывать, как лучше сделать, чтобы не упустить и без того много потерянного времени. При расчете вероятного прихода судов, отчаянье бедного Невельского доходило иногда до того, что он рвал волосы на голове. Ожидать можно было три судна, которые могли бы привезти товары: компанейский бриг «Константин», транспорты «Иртыш» и «Байкал». Первый, по известиям, привезенным из Ситхи, мог быть оставлен там для посылки на Сандвичевы о-ва за мукой. «Иртыш», вышедший из Камчатки раньше нас, неизвестно по какой причине, не приходил в Петровское. «Байкал», участвовавший в летней экспедиции у берегов Сахалина и Татарского пролива и долженствовавший придти в Петровское к 1-му сентябрю, мог тоже опоздать. Видя отчаянье Невельского, я предложил ему послать меня в Аян на «Николае», с тем, чтобы взяв там на него товары обеих экспедиций (сахалинской и амурской) придти обратно в Петровское. Так как «Николай» отличный ходок, то я надеялся скоро сходить в Аян и обратно. Предложение это очень понравилось Невельскому и он громко вскрикнул: «я иду сам в Аян на „Николае“ завтра». Решившись на это, мы легли спать.

27-го августа. – С раннего утра начали готовиться к отъезду в Аян. Невельскому надо было приготовить несколько нужных бумаг. Я присутствовал при составлении рапорта к губернатору по делу сахалинской экспедиции. Невельской диктовал его доктору. Найдя несколько выражений относительно компании, более нежели жесткими, я предложил изменить их, на что Невельской тотчас согласился. Вообще мне показалось, что обращение Невельского с подчиненными и дух бумаг его недовольно серьезны; это и есть причина, почему донесения и рассказы его не внушают к себе полного доверия, хотя действительно ему есть чем похвастаться. По-моему мнению, этот предприимчивый человек очень способен к исполнению возложенного на него поручения – распространить наше влияние в Приамурском крае; но необходимо поставить подле него человека благоразумного, хладнокровного и благонамеренного. Такой товарищ взял бы непременно верх над слишком запальчивым характером Невельского.

К обеду собрались все пассажиры. Когда начало смеркаться, мы простились с остающимися в Петровском и отправились на шлюпке к «Николаю». Во время переезда этого мы видели несколько огромных белуг, которые выказывались из воды на подобие китов. Вскоре по приезде нашем на судно, после непродолжительного штиля, мы снялись с якоря при слабом попутном ветре.

II

Маловетрия продержали нас в пути до вечера 31-го августа, хотя весь переход от Петровского до Аяна не более 200 миль. Когда мы подходили к Аянским берегам, погода стояла прекрасная. Берег Охотского моря чрезвычайно скалист и суров. Природа его мертва; на его каменистых горах нет ни одного деревца, ни одного кусточка. Заштилев перед самым входом в бухту, мы бросили верп, и я поехал, по просьбе Невельского, к г. Кошеварову, начальнику Аянского порта, просить его приехать на судно. Мне была известна вражда их между собою, и я придумывал, как бы устроить так, чтобы они мирно повели переговоры. Необходимо было грузит как можно скорее товары на «Николая» и идти на нем на место высадки. Компания обязалась перевезти десанты на своем судне и оставить это судно в распоряжении экспедиции. Бриг «Константин» был назначен для этого – но так как его не было, то Невельской имел полное право требовать, чтобы «Николай» был назначен вместо его. Компания, дорожа прекрасным и дорогим этим кораблем, разрешила Кошеварову послать его в Петровское, если он найдет безопасным это плавание. Теперь же приходилось заставить Кошеварова нагрузить товары на «Николая» и послать их в Петровское, а оттуда на Сахалин, где судну приходилось зимовать. Трудно было бы Кошеварову решиться дать свое согласие на это, если бы он даже был человек доброжелательный и готовый помочь и содействовать полезному делу. Зная же хорошо г. Кошеварова, я предвидел затруднения и столкновения, которые могли бы худо кончиться, при горячем характере Невельского. Итак, я решился взять на себя роль примирителя, намереваясь всеми способами стараться кончить дело тихо и мирно, и след. скоро и порядочно. С этими мыслями я вошел в дом г. Кошеварова. Он принял меня с своею обыкновенною натянутою и неискусною сладко-важною вежливостью, поздравив меня с благополучным приездом. Я застал его разговаривающим в зале с г. Фрейгангом, исправлявшим должность капитана Петропавловского порта и возвращавшегося по болезни в Петербург. Г. Фрейганг, как кажется, мягкосердный и чувствительный немец. С ним и с его семейством мы познакомились после. Желая переговорить с Кошеваровым наедине, я предложил ему выдти в столовую, где мы имели с ним следующий разговор. Я его спросил, приходил ли в Аян «Константин».

– Не приходил, да я уверен, что и не придет, его задержали; отвечал он с комическою важностью.

– На чем же вы полагаете отправить товары в Петровское и на Сахалин и на каком судне занимать остров.

– Не знаю, – часть товаров может отвезти в Петровское «Иртыш»; «Байкал» находится в распоряжении Невельского.

– Но «Байкал» течет, да притом это военное судно, а компания обязалась дать свое судно для экспедиции.

– Не знаю.

– Геннадий Иванович Невельской пришел на «Николае» и просит вас приехать к нему на судно, чтобы поговорить, как лучше устроить дело. Он полагает единственным средством успешно исполнить высочайшую волю – нагрузить товары как можно скорее на «Николай» и идти на Сахалин, и по сделании высадки следовать на зимовку в Татарский пролив, где есть безопасная гавань.

– Это нельзя. «Николай» завтра не пойдет в Ситху, если бы даже пришлось самого Невельского отвезти туда.

– Я попрошу вас это же сказать лично г. Невельскому. Насчет же плавания «Николая» я полагаю, что ему следует заменить «Константина», потому что высочайшую волю, т.-е. занять Сахалин нынешний же год, исполнить надо на каком бы то ни было судне, и поэтому, так как нет другого судна компании, то «Николай» должен идти – вот мнение г. Невельского.

– Я протестую против вас.

– В чем, позвольте спросить?

– Вы уговорили меня послать «Николая» из Камчатки в Петровск вопреки желанию Главного Правления, с тем, чтобы прислать его в Аян, снявши десант, а теперь привезли на нем людей и груз.

– Ну позвольте вам сказать, ответил я, что ваш протест лишен всякого основания. Я уговорил вас послать «Николая» в Петровское потому, что это было желание г. губернатора, вы послали его, потому что Главное Правление разрешило вам это сделать. Десант же привез из Петровского в Аян не я, а г. Невельской, который старше нас обоих и у которого я нахожусь под начальством, след. уже не управляю действиями экспедиции. Но оставим это. Позвольте же вас попросить потрудиться ехать на судно.

– Я не могу ехать, потому что помощник мой уже послан.

– Когда он возвратится, вы приедете?

– Я не поеду.

– В таком случае прощайте.

Зайдя на минутку в гостинную, чтобы поздороваться с хозяйкою дома, я был представлен г-же Фрейганг. Извинившись, что дела меня призывают на судно, я поспешно пошел на берег, где ожидала меня байдарка.

Переезжая с судна на берег, я заметил в темноте три судна, стоявшие на якоре в бухте; от встретившихся со мною двух алеутов, посланных из порта узнать, какой корабль пришел в бухту, я узнал, что три судна эти были – китобой Р-ф. ком. «Суомио», китобой С.-А. Штатов и транспорт «Иртыш», пришедший в Аян прямо из Камчатки без захода в Петровское, как ему было предписано, потому что у него сломался на пути руль. Приехав на «Николай», я передал Невельскому мой разговор с Кошеваровым. По условию было решено нами ехать к Кошеварову, пригласить его и г. Фрейганга на совещание, и по соображении всех обстоятельств решить четырьмя голосами, как надо действовать. Невельской обещал удерживать себя от горячности, стараться дружески кончить дело с Кошеваровым и, как мы увидим, он вполне исполнил свое обещание. Я поехал вперед на байдарке для того, чтобы предупредить Кошеварова и уговорить его жертвовать пользе и успеху дела своими личными интересами и отношением к Невельскому. Приехав к Кошеварову я сказал ему, что Невельской тотчас будет к нему, и снова просил его, чтобы он хладнокровно обсудил с ним дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.